

BLIZZARD ENTERTAINMENT

Велен: Урок Пророка

Марк Хатчсон

Энергетические потоки, кружившие вокруг Трона Наару, несли покой и умиротворение даже самым кровожадным из воинов-пилигримов; самые пресыщенные обитатели Азерота замерли бы перед ним в благоговейном почтении. Фигура, парившая перед троном, давно уже купалась в успокаивающих лучах этой колонны света. Велен выглянул из своей комнаты для медитаций. Ему нужно было обрести понимание всех событий и взаимосвязей, великих и малых, чтобы разобраться в линиях будущего. За последние несколько месяцев эти линии все больше и больше рассыпались на разрозненные фрагменты.

Пророк медитировал в своей обычной позе – скрестив ступни и опершись руками о колени. Кристаллы, отражавшие его энергию, светились, пульсировали и кружились вокруг него в хаотическом танце. Видения, бесконечные образы возможного грядущего, нахлынули на него.

Где-то в Запределье изнуренная женщина-гном с явным усилием тащила за собой какое-то странное приспособление. За ней змейкой вился след колеи, терявшийся среди бескрайних дюн. Эфириалы, похожие на древние мумии, отстраненно наблюдали за ее потугами, никак не мешая женщине тащить свою ношу, но и не помогая ей.

Воздаятель Мараад сражался своим огромным хрустальным молотом с незримым противником и внезапно пал на колени – его грудь пронзил черный, как сама тьма, клинок, с которого струйками стекал зловещий дым.

Закованный в броню Смертокрыл, который, казалось, на миг закрыл собой все небо, пролетел над выжженным миром и уселся на безжизненный обугленный остов дерева столь огромного, что это мог быть только Нордрассил; а молельщики в темно-пурпурных мантиях выстроились на краю пропасти и как по команде бросились вниз.

Мед'ан, Хранитель Тирисфаля, неудержимо рыдал. На его лице, сохранившим характерные орочы черты, слезы смотрелись странно, а в глазах его читалась такая боль, что любой проникся бы к нему состраданием и участием.

Но не Велен.

Пророк давно уже научился не принимать свои видения близко к сердцу, иначе бы он давно потерял рассудок. Третий глаз пребывал с ним настолько давно, что дар предвидения сделался для него таким же обыденным, как и дыхание. Осколки кристалла Ата'мала преобразили его. Его взору открывалось бесчисленное множество альтернативных вселенных. Одни из них исчезали во тьме, иные сгорали в огне или оказывались скованы вечными льдами. Но Велен не чувствовал горя по поводу этих линий будущего, не скорбел об их гибели, не радовался их триумфам. Он просто читал их, наблюдал за их причудливыми переплетениями, ища среди них пути, которые вели к окончательной победе Жизни и Света над тьмой и спасению всего живого от смерти. В конце концов, никакие незначительные события, имевшие важность для большинства смертных, в том числе и его сородичей-дренеев, не могли сравниться с огромной ответственностью за выживание всего сущего.

Велен попытался сосредоточиться и найти в калейдоскопе быстро меняющихся образов зацепку, которая указала бы ему на нужный путь. Но безрезультатно.

###

Андуин Ринн стоял на коленях на земле, возложив руки на плеточника, одного из тех немногих несчастных мутантов, что оставались в Азероте после крушения *Экзодара*. Двое дренеев, стоявших по обе стороны от плеточника, крепко держали его, чтобы существо не могло вырваться и удрать от целительного света, исходившего от рук мальчика. Дренеи приняли на себя обязательство ликвидировать последствия своего прибытия в Азерот, и они практически справились с этой миссией, но потом появились более важные и неотложные проблемы – сперва война с *Пылающим Легионом*, потом поход в ледяное царство Короля-лича, а сейчас нужно было восстанавливать мир после Катаклизма.

В итоге часть мутантов дренеи просто проглядели, и те продолжали бесцельно бродить по земле, охваченные безумием и болью. Когда Андуин впервые увидел мутанта, он ощутил не отвращение,

а сострадание. Я должен помочь. Хотя бы попытаться. Дождавшись перерыва в занятиях с Веленом, принц убежал вглубь Острова Лазурной Дымки, сопровождаемый своими телохранителями-дренеями. Они помогали ему, удерживая мутантов на месте, пока Андуин исцелял их, взывая к Свету. Андуин сам не понимал, что за недуг поразил несчастных созданий. Но ему это было и не нужно.

Свет делал все сам. Его сила вливалась в принца и вытекала из его рук целительным потоком, возвращая увечному созданию первозданный облик. Занимаясь целительством, Андуин чувствовал себя словно ключом от замка; инструментом, которому, наконец, нашлось должное применение. Обучаясь у дрениев, он еще лучше развил свои способности. Представители древней расы, особенно сам Вечный Пророк, очень многому научили Андуина, и его уверенность в своих силах росла. *Ты этого не видишь, отец, но все же я оказался прав. И Магни был прав. Вот оно, мое призвание.*

Тут ему взгрустнулось. Он любил отца, но они с Варианом были уж слишком разные – и по темпераменту, и по мировоззрению. *Как ты не поймешь, отец? Да, я не такой, как ты. Ну и что в этом плохого? Наоборот, хорошо, что мы разные – мы ведь можем многому научиться друг у друга. Разве нет?*

Сам Андуин очень переживал из-за ссоры с отцом. Тот настаивал, чтобы с юным принцем обходились как с ребенком, в то время как Пророк, Магни и многие другие видели в нем уже не дитя, но подающего большие надежды отрока. Во время встречи лидеров Альянса в Дарнасе между Андуином и отцом вспыхнул спор. В какой-то момент Вариан в ярости с такой силой схватил сына за руку, что та потом еще долго болела. Но печалился принц недолго – вскоре после этого случая Пророк предложил ему отправиться вместе с ним в *Экзодар* в качестве его ученика. Андуин был вне себя от счастья.

Как ты не понял, отец – я должен был отправиться с ним! Как ты не понял, что это приглашение было великой честью?

Андуин усилием воли отогнал воспоминания и сосредоточился на текущем моменте и плеточнике. Буквально в следующий миг он дал себе клятву никогда не забывать о величии свершившегося только что чуда. Для многих магическое исцеление давно уже перестало быть дивом, превратившись в обыденность. Но Андуин знал, что Свет, источник целительной силы, так не считает. Любая жизнь, *каждая* жизнь есть великое чудо.

Перед принцем стоял прекрасный живой цветок с большими сиреневыми лепестками, здоровый и крепкий. Дренеи отпустили его. Один из спутников склонился перед принцем, отдавая ему дань уважения.

Андуин услышал позади себя какой-то шорох и испуганно дернулся, только теперь полностью очнувшись от целительского транса и увидев, что он сидит в луже грязи. *«Очень по-царски, – подумал Андуин. – Отец точно пришел бы в восторг».*

Принц резво вскочил на ноги. Перед ним стоял высокий дрений, закованный в броню – это был один из Щитов, личных телохранителей Велена. «Пророк хочет видеть тебя, принц Андуин», – коротко молвил он.

###

Первые беженцы выглядели забитыми и растерянными. Они прибывали по одному-два, кто на утлой лодке, кто на маленьком плоту. Не в силах противостоять нахлынувшему на них напастям, они предпочли отправиться навстречу неизвестности. Слухи о том, что дрениям удалось пережить раскол мира и что на Острове Лазурной Дымки можно найти пристанище, распространялись быстро. И слухи эти были куда оптимистичнее реальности. Поначалу дренеи помогали беженцам всем, чем могли. Они отвели им территорию для лагеря за пределами *Экзодара*, делились с ними водой и пищей, лечили больных. Но потом беженцы начали разыскивать своих друзей и членов семей. Вскоре по всему Калимдору разлетелась молва: *Пророк оберегает Остров Лазурной Дымки. Он предвидел наступление Катаклизма, и он все исправит.* Тоненький ручеек беженцев вскоре превратился в полноводную реку. Они прибывали уже даже не десятками, а целыми

сотнями. Количество изгоев в лагере беженцев уже перевалило за тысячу, и дренеи уже не могли помогать всем страждущим.

Постепенно среди обитателей лагеря стали преобладать более мрачные настроения. *Пророку нет до нас дела. Дренеи держат его где-то в глубинах своего корабля. Они похожи на демонов! Эти копыта... Брр!*

Андруин проводил среди беженцев немало времени. Он лечил больных, пытался вселить в них веру в Вечный Свет, где мог, помогал советом – многие взрослые были просто поражены его мудростью и зачастую чувствовали себя беспокойно, когда его не было с ними рядом. Много раз принц спрашивал у них, отчего те не обратились за помощью к его отцу, не пытались искать защиты в Штормграде. Но те лишь отводили глаза и бормотали что-то в духе, что да, мол, его отец великий король, но он, в отличие от Пророка, не может предвидеть будущее. *Не сочти за оскорбление, словно говорили они, но твой отец всего лишь человек. А Пророк выше его.* Через некоторое время, впрочем, Андруин понял, что действия беженцев были продиктованы не только благоговейным почитанием пророка, которого они никогда и не видели. Все они происходили из неблагополучных слоев общества. Для них законные правители Штормграда были теми, кого следовало опасаться, а не просить о помощи и защите. И принц перестал задавать неудобные вопросы.

Так что в лагере, через который он сейчас шел вместе со своим проводником на аудиенцию у Велена, его все хорошо знали. И все же он понимал, что там его не считают за своего. Он чувствовал, что между ним и беженцами лежит огромная пропасть. Причиной тому было и королевское происхождение, и его уникальный дар, и детская травма... Порой ему хотелось, чтобы он был таким, как все. Но он вырос и уже начинал понимать, что все это не случайно, и ему было предопределено быть другим. Ему предстояло стать вождем и защитником своего народа – и это было не привилегией и не возможностью властвовать. Это был его долг.

Все беженцы были людьми. Дворфы, определенно, были слишком горды, чтобы покинуть родные края; ночных эльфов не пугала даже ярость Смертокрыла; а гномы... ну это же *гномы*. С чего бы

они стали бояться землетрясений и лавы, если со своими механизмами они и так рисковали в любую минуту взлететь на воздух?

Беженцы были голодны, слабы и напуганы. Дня не проходило, чтобы кто-то не заболел, и когда в лагере становилось слишком много больных, юный принц находился с ними, стараясь помочь. Он не жалел ни времени, ни сил, и потому никак не мог спокойно пропустить мимо ушей едкую реплику, отпущенную на его счет одним из беженцев, мимо которых он проходил. Те сидели кружком на земле и праздно болтали, даже не думая заняться чем-то полезным. «Его любимчик», – сказал один. «Ну да, на пацана у Пророка время есть, а на нас ему плевать», – подхватил другой. Продолжения разговора он уже не расслышал. Андун много наблюдал за беженцами и видел, как на их лицах отражаются их подлинные чувства. В глазах многих изгоев он видел молчаливое обвинение, и вот буквально только что он его еще и услышал. Те беженцы явно были настроены против него, и принц никак не мог подавить в себе негодование. «Что я им сделал? Я всего лишь пытался помочь», – думал он.

И тут он почувствовал, как в его душу закрался червь сомнения. *Но почему же Велен не принимает их?*

###

Наездник летел на грифоне над Калимдором – там было тепло, и воспоминания о мертвом севере и пронизывающем морозе постепенно отступали. На этот раз ноша грифона была тяжелее обычной и на удивление спокойной. Обычно те, кто не рожден для полета, либо замирали от восхищения, взирая на раскинувшиеся под ними просторы, либо жутко пугались. Даже если путешественник летел молча, грифон прекрасно чувствовал его напряжение. Но всадник, которого он нес на спине сейчас, был самым воплощением безмятежности и покоя.

Тот, кто повидал многие десятки миров и участвовал в бесконечной войне с Пылающим Легионом, вряд ли увидел бы что-нибудь достойное его внимания, пролетая над Азеротом. Воздаятель Мараад был слишком глубоко погружен в свои мысли, чтобы восхищаться красотой этого мира с

высоты грифоньего полета. На севере теперь все было в порядке. Тьма, олицетворением которой был Король-лич, отступила, и Воздаятель теперь был нужен в другом месте. Он слышал о возвращении Разрушителя; об угрозе, нависшей над Азеротом – но что для него, дрения, могла значить угроза лишь одному из миров? Легион блуждал по Круговерти Пустоты по-прежнему уничтожая на своем пути все живое.

Он уже летел над Островом Лазурной Дымки. Была ночь, и внизу он вдруг увидел тысячи маленьких огоньков – словно отражения звезд на небе. В какой-то момент Марааду показалось, будто эти огоньки – крохотные маленькие миры, но он знал, что это не так, и перевел взгляд на небо. Больше всего его всегда занимали небеса.

Что это было неподалеку от *Экзодара*? Армейский лагерь? Почему ему не доложили?

Грифон влетел в *Экзодар* через металлический проем. Укротитель гиппогрифов Стефанос принял у Мараада поводья и отвесил легкий поклон.

– Поздравляю с победой на севере, Воздаятель. Я так рад, что ты вернулся домой.

– Домой? Для нас в этом мире нет дома. И не будет. Мы – странники во Вселенной; изгой потерянного для нас Аргуса. Мы ни на миг не должны забывать об этом. Кстати, что за огни я видел по пути сюда? На наш остров вторглась чья-то армия?

– Нет, Воздаятель. Это беженцы, спасавшиеся от ужасов Катаклизма. Здесь они обрели приют. Теперь они надеются, что Пророк их спасет.

Мараад нахмурился, и черты его лица странно исказились.

– Все мы надеемся на это, брат.

Воздаятель не стал дожидаться ответа. Развернувшись, он быстро направился в сторону Трона и оттуда напрямиком к палатам Велена. Стук его копыт по хрустальному полу отдавался гулким эхом. Мараад приблизился к двум Щитам, охраняющим вход, внимательно выискивая хоть какой-

нибудь признак того, что дренеи утратили бдительность. «*Это никогда больше не должно повториться*, – подумал он. – *Довольно с нас Дренора*».

Он уже подошел к двери приемной Пророка, и тут один из Щитов, до того стоявший, как статуя, внезапно ожил. Стражник сделал шаг вперед, преграждая путь. Это было ожидаемо.

– Я – воздаятель Мараад, командующий силами Альянса в Нордсколе, – представился он, как полагалось по этикету. – Мне нужно поговорить с Пророком.

– Пророк сейчас никого не принимает, Воздаятель Мараад. Ты проделал долгий путь, и мне жаль, но я не могу пропустить тебя к нему.

А вот *это* уже было неожиданно.

– Час еще не столь поздний. Ты хочешь сказать, что Пророк *отказывает* мне в аудиенции? Я летел из самого Нордскола, а ты даже не спросил его, примет ли он меня.

Щит явно чувствовал себя неудобно.

– Прошу простить меня, Воздаятель. Но пока что пророк не принимает никого.

– Мне вернуться утром?

– Наверное, не стоит, Воздаятель. В последние недели Пророк не принимал никого, кроме юного принца Штурмграда. Я сообщу тебе, как только он изменит свое решение.

Мараад еще некоторое время смотрел на Щита, но понять, о чем он в этот момент думал, было невозможно. Затем он развернулся и ушел.

###

Андуин молча стоял за своим наставником, погруженный в свои мысли. Он не мог постичь рассудком ни возраст, ни мудрость Велена, поэтому воспринимал его просто как некую могучую силу природы – вроде солнца или звезд. Пророк левитировал в своей обычной медитативной позе спиной к Андуину. Эту спину он за последние недели видел уже много раз.

– Почему ты не предупредил мир о Катаклизме? – вырвалось у Андуина.

Фигура оставалась неподвижной. Ни единое движение не выдавало мыслей Велена, но в тишине, наступившей после вопроса принца, словно повисла *тяжесть*.

– Я ищу путь. Свет должен осветить нам путь к спасению от Легиона и разрушения, что он несет с собой. Увидеть этот путь могу лишь я один. И лишь я могу указать его силам Света.

Андуин пытался осмыслить только что услышанное.

– Наверное, это очень тяжелое бремя.

Пророк медленно повернулся к принцу лицом:

– Поэтому я и странствую по тропам будущего. Легион и Древние Боги прожигают дыры в ткани будущего, но если я смогу увидеть их и подготовить смертных, мы, возможно, еще сумеем избежать катастрофы.

– А если не сможешь?

На миг безграничная безмятежность Велена сменилась всепоглощающим горем и болью – но лишь на миг.

– Я хочу тебе кое-что показать, – прошептал древний дрений. Расправив руки и ноги, он опустился чуть ниже. Все еще паря над металлическим полом *Экзодара*, Пророк приблизился к мальчику и положил руку на его лоб.

– Прости меня. Но это необходимо, – сказал Пророк.

Экзодар словно растаял в воздухе, и теперь принца окружала бесконечная мгла, в которой лишь изредка вспыхивали искорки света. Вдруг Андуин почувствовал, что его куда-то тянет неведомая сила. Миг – и вот уже он стоит на какой-то странной земле под незнакомым небом. Небо было цвета янтаря, и в нем висело четыре луны, одна краше другой. До самого горизонта простирались синие скалы самых причудливых форм. Воды видно не было, но скалы были удивительно похожи на внезапно застывшие волны – словно бушующее море, запечатленное на полотне великого живописца. А вокруг было множество зверей, птиц и прочих дивных созданий, настолько разных и невероятно прекрасных, что никакими словами нельзя было бы передать их красоту. Никогда раньше Андуин не видел ничего подобного. Стоя посреди этого буйства красок, он даже не особо пытался понять, куда он попал и как устроен этот мир – настолько он был потрясен.

И еще был Свет! Он чувствовал, как Свет окружает его, яркий и могучий, как в Азероте; как он просвечивает сквозь этих удивительных существ.

А потом небо потемнело. Сперва янтарный небосвод стал кроваво-красным, словно предвещая великую беду. Затем красный цвет сменился тошнотворно-зеленым. С враждебного неба посыпались пылающие кометы; они вонзались в землю, и существа в ужасе и панике бежали прочь. Но бежать было некуда – кометы падали повсюду, сея в этом мире разрушение и смерть. Совсем близко от принца в воздухе открылся огромный разлом, и из него хлынула новая волна ужаса. Через открывшийся портал вперед ринулись крылатые демоны и суккубы, и никто не мог укрыться от их разящей магии и ядовитого огня. Завершая вторжение армии тьмы, через разлом протиснулась огромная фигура, и принц не мог не обратить внимания на то, насколько она была похожа на дренейскую.

Могучее создание руками раздвинуло скалы, освобождая себе место, после чего стало на колени и принялось рисовать на пыли и пепле магические символы разрушения своим огромным когтистым пальцем. Когда оно закончило, внезапно стало очень тихо, словно весь мир замер в ожидании чего-то еще более ужасного.

И тогда произошел взрыв.

Высвобожденная энергия сотрясла мир, разрывая его на части. Андуин вдруг понял, что рыдает, в ужасе воздев к небу руки – но потоки разрушительной магической энергии проходили прямо сквозь него, не причиняя ему вреда. Легион ушел через портал обратно в свой мир, обиталище демонов. Но в том мире после них не осталось ничего. Ничего живого. Вообще ничего. Бесследно исчезли даже дивные синие скалы – Андуин так и не успел понять, были они природными или же рукотворными. Осталось лишь бескрайнее и безжизненное пепелище. Пепел висел и в воздухе, и четырех лун за его стеной уже тоже было не разглядеть.

И в этот момент видение исчезло.

Андуин снова стоял перед пророком. Он пытался справиться со своими чувствами, но ничего не выходило – слезы текли рекой.

– Скорбеть о такой утрате вовсе не постыдно, – мягко сказал Велен.

– Что это был за мир? Когда это случилось? – спросил принц, все еще всхлипывая.

– Мне неизвестно его имя. Его жители не говорили на известных нам языках, и смертные расы этого мира никогда там не бывали. Я сам зову его Фанлин'Дескор: Синие скалы под Янтарным небом. И поскольку я не думаю, что Легион помнит всех своих бесчисленных жертв, мы, скорее всего, единственные во Вселенной, кто знает, что этот мир вообще когда-то существовал.

– Как жаль, – сказал Андуин.

– Да. Если будет на то воля Света, когда мы одержим, наконец, последнюю и окончательную победу, я построю башню в одном из этих погибших миров и запишу все их имена для истории. Это станет мне искуплением.

«Искуплением? Чего? Ты же ведь всегда только помогал? В чем ты винишь себя, Велен?»

«Когда-то очень давно я не сумел убедить своих братьев не идти тем путем, который они избрали. И цена расплаты за это оказалась огромной». Велен сменил тему, возвращаясь к тому, зачем он показал Андуну видение. «Я показал тебе это с тем, чтобы ты понял, что ждет нас всех в случае поражения. Да, Катаклизм был ужасной катастрофой; да, Смертокрыл действительно очень опасен, но *наша* война неизмеримо важнее. Мы стараемся защитить не один мир, но все те, что еще остались».

Андун знал, что когда Пророк снова принимает позу для медации, обращаясь к бурлящим энергетическим потокам Трона Наару, это означает, что его урок окончен. Принц уже выходил из дверей, когда до него донеслись слова Велена, еще не погрузившегося в медитацию.

«И ты прав, мальчик, это *очень* тяжелое бремя».

###

Последние слова, сказанные Пророком, преследовали Андуну до глубокой ночи. Он долго ворочался; сон никак не шел к нему, хотя обычно он засыпал очень легко. Когда же дрема, наконец, смежила ему веки, пришли сны – столь четкие, словно все это происходило с ним наяву.

Он словно провалился в бесконечную тьму, где не было ни звезд, ни солнца, ни луны – только уничтоженные демоническим огнем миры. Вселенная погасла, словно внезапно налетевший порыв ветра задул все свечи в древнем святилище, и оно погрузилось во тьму. Но сильнее отсутствия света Андуну пугала мертвая тишина. В живой Вселенной не могло, просто не должно было быть настолько тихо.

Первой мыслью, пришедшей ему в голову при виде мертвой Вселенной было то, что он никогда больше не увидит своего отца, не сможет растопить ледяную стену, вставшую между ними... И тут Андун понял, что не только он – уже ни один сын во всей Вселенной не успеет сказать отцу, как он его любит; не успеет попросить прощения за резкие слова. Самый ужас заключался не только и не столько в мертвой тишине и потухших звездах. Вместе со Вселенной умерла надежда, возможность что-то изменить.

И тут он услышал далекий звук. Он был очень тихим, будто кто-то далеко-далеко легко тронул струну – и все же слышался отчетливо и ясно. Во мгле вспыхнул огонек, потом другой; звук постепенно перерос в стройную мелодию, а разноцветные огни уже водили вокруг него хороводы. Создания Света окружили Андуина, разогнали тьму и начали петь о надежде. Вселенная ожила.

Прямо перед ним внезапно возникло лицо одного из беженцев, которого принц видел много раз, но не знал его имени. А создания, кружившие вокруг Андуина, все распевали: «Каждая жизнь есть Вселенная».

Андуин проснулся в холодном поту, весь всклокоченный; сердце отчаянно билось (*Видение, это было всего лишь видение...*), но все же он немного успокоился. Вскоре он снова заснул и проспал мертвым сном до утра.

###

Мараад стоял посреди большой круглой комнаты, на стенах которой были начертаны светящиеся руны. В центре нее стояло трое древних, но еще крепких дрениев в начищенных до блеска доспехах. Их окружали паладины и воздаятели; все подчиненные той троице, но не как это бывает, к примеру, у людей – один господин, а другой слуга. У дрениев иерархия была организована намного тоньше, и в ней все было подчинено общей цели, а не личным амбициям.

Эти трое – Борос, Курос и Эсом – были Триумвиратом Длани, а остальные присутствовавшие в комнате составляли Длань Аргуса, дрениевскую элиту. Мараад уже знал, что Триумвират также вернулся в *Экзодар*, чтобы восстановить связи со своими собратьями в Азероте и определить дальнейший план действий для всей расы дрениев в свете недавних событий.

Немало воды утекло с тех пор, как Мараад последний раз стоял перед Триумвиратом и сам участвовал в заседаниях совета дрениевских лидеров. Он уже позабыл, как спокойно и мерно они обсуждали все насущные вопросы, как успокаивающе действовали на него их мудрые и

аргументированные речи. Представители других рас Альянса были совсем не такими – они были импульсивны и словоохотливы. В полной мере этот контраст проявился в момент, когда затянувшуюся дискуссию о беженцах и их нуждах прервал воздаятель Ромнар. Ромнар отвечал за проведение ремонтных работ на *Экзодаре*, дренайском межпространственном корабле. Обсуждение проблемы с беженцами, наводнившими остров, уже начало заходить в тупик, когда он сказал:

«Возможно, скоро это уже не будет иметь значения. *Экзодар* совсем скоро будет полностью отремонтирован».

Если бы столь важное заявление прозвучало на борту *Усмирителя небес* на совещании лидеров Альянса в Нордсколе, оно прогремело бы как гром среди ясного неба, а потом все еще долго пытались бы перекричать друг друга. Здесь же новость была встречена лишь молчаливым и оптимистичным одобрением. Кто-то положил свою руку Ромнару на плечо. *Это прекрасно*, словно говорили члены совета.

«А совсем скоро – это насколько скоро?» – спросил Мараад.

«Через неделю. Все ключевые системы полностью работоспособны. Осталось сделать кое-что по мелочи и усилить потенциально уязвимые узлы».

«Наш корабль сможет отправиться в путь уже *через неделю*? А что говорит Пророк?» – снова спросил Мараад.

В комнате воцарилось неловкое молчание.

«Он не знает?» – недоуменно молвил Мараад.

«Он отказал в аудиенции всем нам, – ответил Эсом. – Мы оставили Щитам наше послание для него, но нас с тех пор так и не вызвали».

«А меня одного это беспокоит?» – спросил Мараад и тут же пожалел, что эти слова сорвались у него с языка. *Я слишком долго пробыл вдали от Экзодара*, подумал он. *Естественно*, все они взволнованы. И тишина эта указывала на беспокойство, а отнюдь не на одобрение.

Что делать, если Пророк действительно сбился с пути?

Но прежде чем кто-то заговорил, дрений, имя которого Марааду было не известно, прервал их размышления.

«К нашим воротам прибыла группа беженцев. Они требуют встречи с Пророком».

Как и все мы, с улыбкой подумал Мараад.

###

Почему ты не предупредил мир о Катаклизме? Простой и вполне логичный вопрос смертного ребенка немым укором висел в комнате, мешая Пророку сосредоточиться на созерцании Света. Вместо того чтобы дать ответ, Велен ушел от него, и ясность уступила место неизвестности. Он не узнавал сам себя. *Неужели я до сих пор могу поддаваться заблуждениям? После всего, что произошло? Или это исходит из меня самого?*

В самом деле, как *пророк* мог не предупредить о грядущем бедствии?

Ведь он видел его. Он видел огромную бронированную тень ночи, нависшую над Азеротом и несущую ему огонь, боль и страдания. Также видел он и гибель Азерота в десятках апокалипсисов, видел в хитросплетениях будущего и множество куда менее значимых побед и поражений. А Свет – его маяк, его компас, то чувство, что помогало ему не сбиться с пути в бескрайнем море видений – Свет не указал ему на то, что Катаклизм неизбежен; возвращение обезумевшего Смертокрыла явилось ему лишь как один из множества вариантов будущего. Что же это за пророк, который не может отличить истинное видение от ложного? Какой от него толк?

Велен усилием воли изгнал навязчивый вопрос мальчика из своего сознания и сосредоточился на том, чтобы попытаться отыскать крупницы истины в своих видениях... пока он еще не потерял рассудок или пока еще не стало уже слишком поздно. Когда Щит, стоявший на страже у дверей его покоев, обратился к нему с просьбой предоставить аудиенцию Триумвирату, Велен ничего не ответил.

Он видел, как Экзодар был отремонтирован и направился в Пустоту, где сгинул во тьме.

Он видел, как Экзодар, казалось, был отремонтирован, но взорвался на старте. Почти все дренеи погибли; Остров Лазурной Дымки был практически уничтожен.

Он видел, как Экзодар приземлился в Запределье, и дренеи восстанавливали свое бывшие пристанище в изгнании.

Он видел, как дренеи отремонтировали межзвездный корабль, но тот так и остался в Азероте. Одни его видения терялись во мраке, другие нет.

Велен не мог позволить себе *гадать*. Но Свет так и не освещал перед ним нужный путь. *Пускай решает Триумвират*, подумал он.

Теперь, когда извне его уже ничто не отвлекало, он обратился к своей внутренней сущности, отчаянно пытаясь все же отыскать путь.

###

Мараад с трудом старался подавить в себе чувство отвращения. До этого ему уже не раз приходилось иметь дело с людьми в Нордсколе – герои Альянса были скоры на суждения, импульсивны, но это были храбрые и достойные люди. Ему даже не верилось, что стоявшие перед ним оборванцы – страшные, с выбитыми зубами, понятия не имевшие ни о приличиях, ни манерах и уж точно не отличавшиеся умом – люди той же расы, что и герои, с которыми он не так давно сражался плечом к плечу.

«Нам бы Пророка повидать», – нагло заявил один из них с особо противной рожей. Он и говорил не на обычном Всеобщем, а на каком-то примитивном диалекте. «Уж он-то все уладит».

«Это, стало быть, ваш представитель?» – громко спросил Мараад. Но толпа не обратила внимания на его иронию.

«Пророк не принимает никого, друг. Нам тоже нужна его мудрость в этот трудный час. Но мы можем только ждать. Он заговорит, когда сочтет нужным», – сказал миротворец *Экзодара*.

«Да ладно врать-то! А принц Штормграда?»

«Принц Андун обучается у Пророка пути Света. Это огромная честь для вашего народа, что Вечный Пророк согласился учить одного из вас. Возможно, это станет великим даром для всех людей».

«Да пошли вы! Честь какая, надо же! Про честь он нам будет втирать! Ты-то сам кто таков? Демон на козлиных ногах, а туда же!»

Для дрениев не было худшего оскорбления, чем напоминание об их родстве с эредарами Легиона. Миротворец угрожающе сощурился и потянулся к висевшему у него на поясе светящемуся хрустальному мечу. Мараад, увидев это движение, тоже схватился за рукоять своего огромного молота; несколько других дрениев сделали шаг вперед в сторону «делегации», и Мараад не без удовлетворения заметил, что люди инстинктивно попятнулись назад. Мозгов у них, может, было и негусто, но страх и прочие животные инстинкты работали безотказно.

Миротворец заметил это и с явным облегчением отпустил рукоять меча. «Послушайте. Я знаю, что вы оказались вдали от дома. Вы голодны, ваше будущее неясно, вам страшно. В вашем положении вполне разумно обратиться за помощью к Пророку. Поверьте мне, я сам был бы счастлив, если бы он вышел к вам и облегчил ваши тяготы. Но вы должны понять: *его пути*

неисповедимы. Если он решит выйти к вам, он выйдет. Но это решать только ему. А сейчас возвращайтесь обратно в лагерь, в свои дома».

«Какие еще дома... Нет у нас тут домов», – последовал сердитый ответ. Беженцы убрались восвояси, явно неудовлетворенные и злые. Они чуть было не полезли в драку с теми, кто дал им приют. Обстановка накалялась, и все это понимали.

«Как *им* хватает наглости тыкать *нам* тем, что они изгнанники?» – потрясенно молвил миротворец.

«Да уж», – согласился Мараад.

###

В окружении членов Длани Аргуса и Триумvirата Мараад изложил свой план.

«Пророк не желает делиться с нами своей мудростью. Стало быть, решение за нами. Давайте дадим Легиону бой на его территории! Если же это окажется невозможным, давайте вернемся в Запределье и восстановим его. Мы ведь нужны нашей второй родине, и Заблудшие, все еще бродящие по пустошам, тоже нуждаются в нашей помощи».

Члены Триумvirата хранили молчание, но Мараад чувствовал, что они одобряют его идею. Он умел читать мысли на их бесстрастных лицах. Но все же в воздухе висело ощущение некоего беспокойства, и Мараад знал, откуда оно исходит, ибо разделял его и сам. *Пророк должен сказать свое слово. Он должен благословить наше решение.*

«Через неделю мы испытаем фазовые двигатели *Экзодара*. Если все будет в порядке, а Пророк так и не заговорит с нами, мы покидаем Азерот!»

###

«Как идут твои занятия, Андунин? Становится ли твое понимание вещей глубже?»

Все прошлые месяцы принц был несказанно польщен вниманием, оказанным ему; он был в восторге от того, что у него была возможность учиться у наиболее приближенного к Свету создания во всем Азероте. Но безмятежность и казавшаяся безучастность Велена беспокоили его. У него появлялись вопросы, на которые он не получал ответа, и нараставшее в нем недовольство, наконец, вырвалось наружу.

«Ты знаешь, что там творится?» – спросил Андунин.

«Там постоянно что-то творится», – услышал он тихий голос. Ответ Велена был спокойным, но все же в его интонациях чувствовалась резкость. «Моя забота – это путь».

«А что такое путь? Война в каком-то далеком-далеком мире? Ты же нужен здесь. Ты нужен сейчас. Поэтому ты не предупредил никого о Катаклизме? Это просто было недостойно твоего внимания? Мы для тебя что, букашки? Или, может, вообще бездушные пешки?»

Пророк уже и не помнил, когда последний раз кто-то осмеливался укорять его. Он медленно развернулся в сторону принца, удивленный тем, как быстро мальчик становился мужчиной – настолько зрелыми были его слова. Впрочем, люди вообще выросли рано. И как только он увидел перед собой лицо Андунина, мир вдруг переменялся.

Вместо принца перед ним стоял воин, закованный в полный латный доспех, от которого исходило сияние самого Света. Воин стоял на краю обрыва и держал в вытянутой руке меч, указывая им куда-то вдаль. Был ли это Азерот или какой-то иной мир, Велен наверняка сказать не мог. И внезапно небо потемнело. Перед глазами Велена предстала огромная армия, собравшая под одно знамя все расы Азерота. Эльфы крови, орки, тролли, таурены, проклятая нежить и хитроумные гоблины, оседлавшие небесных скакунов всех видов и мастей, медленно продвигались вперед. От их доспехов и магического оружия исходило столь яркое сияние, что Велену на миг стало больно глазам. Рядом с легионами Орды Велен увидел войско ночных эльфов, людей, дворфов и гномов, потомков древних основателей Альянса; тут же были и

оборотни-воргены. В их рядах были и его собратья-дренеи, выделявшиеся среди остальных своими дивными доспехами и хрустальными палицами и мечами.

Но Альянс и Орда были на поле не одни.

В небе повсюду носились драконы, и от их непрерывного движения и обилия цветов у Пророка рябило в глазах. Драконы заполнили почти весь небосвод; когда же они все разом грозно зарычали, содрогнулась не только земля у Велена под ногами, но и весь мир.

Но по-настоящему Велена шокировало то, что он увидел следом. На поле появились наару, и было их так много, что Велен никак не мог взять в толк, как мироздание могло их вместить. Могущество этих созданий Света наполнило сердце Велена надеждой и прогнало печальные воспоминания о долгих веках одиночества. Велен поразился, как он вообще мог впустить в свой разум отчаяние; как мог допустить мысль о том, что тьма, какой бы ужасной она ни была, способна одержать верх над Светом.

А затем на мир опустилась тень.

Она была громадной и пустой; она поглощала весь свет вокруг себя. Велен знал, что она будет пожирать все до тех пор, пока не останется ничего, кроме нее – и тогда она поглотит самое себя и останется одна в Великой запредельной тьме, где уже не будет привычной Вселенной, и ничего уже не будет иметь никакого значения. Это было ужасное зрелище; еще ужаснее было понимание происходящего – и все же армия направлялась прямо навстречу этому всепожирающему мраку. Свет начал меркнуть...

Перед пророком стоял всего лишь мальчик с широко раскрытыми глазами; он что-то говорил, и слова его были горячи, но Пророк не разобрал их.

Пророк снова повернулся к Андуну спиной и сосредоточил свой разум на Свете, пытаясь среди всех разрозненных линий будущего отыскать нить видения, только что явившемуся ему. Это было

болезненным напоминанием о том, что предшествовало Катаклизму. Велен не заметил, как принц покинул его покои.

###

Эта неделя выдалась для беженцев еще более напряженной, чем предыдущие. Дренеи были поглощены своими заботами – они готовились к испытаниям двигателей корабля и беспокоились из-за затянувшегося молчания Пророка. Изгои заметили возросшую активность дрениев и чувствовали, что вот-вот что-то произойдет. Они ничего не понимали, что только усугубляло общий мрачный настрой. По лагерю расползались слухи один абсурднее другого. Были среди беженцев и те, кто напоминал остальным о том, чем они все обязаны дрениеям, но таков уж человек по своей природе, что во всем непостижимом и непонятном склонен подозревать все самое худшее. Никто уже не хотел помнить, что дренеи снабжали их провизией и лечили от хворей – странная синяя кожа и копыта их покровителей в итоге, как оказалось, перевесили все сделанное ими добро. Лишь очень немногие из тех, кто нашел приют на Острове Лазурной Дымки, задавались вопросом, как бы встретили дрениев другие расы, случись тем самым искать помощи у чужих берегов.

И когда огромный комплекс под названием *Экзодар* содрогнулся и загудел, а в воздухе отчетливо запахло озоном, инстинкты беженцев сразу подсказали им то, до чего они всю эту неделю никак не могли прийти своим умом: корабль заработал.

Дренеи бросают нас! Лагерь мгновенно охватила паника. Они заберут Пророка с собой!

Пророк, пусть даже они его и никогда не видели, стал для беженцев чудотворным образом; оберегом, который должен был оградить их от ужасов Катаклизма. Как и у большинства толп, у этой тоже не было вожака, и трудно было сказать, когда страх и волнение переросли в массовый психоз. Но в итоге практически все изгои толпой ломанулись в сторону *Экзодара*.

###

Как ответить на зов бесконечных веков? Как видеть в каждом дне что-то новое, а не банальное повторение прошлого, что вело лишь к печали? Самым тяжким бременем для того, кто когда-то был просто Веленом, а теперь стал Пророком – силой, легендой, абстракцией – было его одиночество. Его понимание было неизмеримо выше, чем у всех остальных. Он не мог заставить себя забыть то, что однажды видел. И он знал, что эта его усталость, неспособность проживать каждый день как последний, была самым эффективным оружием, которое использовали против него его бывшие собратья.

Когда же ты устанешь уничтожать миры? Так думал Велен о своем бывшем друге Кил'джедене. Посещают ли твою черную душу сомнения? Сожалел ли ты когда-нибудь о сделанном выборе?

Но это были старые раздумья.

В одном из возможных будущих он видел наследника Короля-лича, вновь воцарившегося на Ледяном Троне, еще более ужасного и зловещего, чем и Артас, и Нер'Зул. Его скелеты лавиной прошлись по миру, не оставив в живых никого. Спустя некоторое время в этот мир вернулся и Легион, но истреблять там было уже некого. Тогда демоны стали глумиться над дренеями-нежитью, чтобы хоть так отомстить Велену за то, что тот заставил их гоняться за ним по Вселенной.

Видел он и обезумевшего Хранителя Земли, превратившегося в Разрушителя; видел, как тот выжег мир, а потом сам переживал о гибели своих детей, черных драконов, ставших жертвами его патологической страсти к уничтожению всего живого.

Умоляю, обратился он к Свету. Укажи мне путь.

###

Толпа уже была полностью неуправляемой. Беженцы все, как один, словно обезумели. Дренеи пытались вразумить их, но безуспешно, и когда прозвучал сигнал тревоги, и паладины,

воздаятели, жрецы и маги выстроились против толпы, произошло то, что и должно было произойти. Защитники встали перед непростым выбором: только обороняться и рисковать жизнями в битве против заведомо более слабого противника – либо убивать самим, чего они тоже никак не хотели. Но война – такое дело, которому либо отдаются целиком, либо не ввязываются в нее вовсе. И изгои не замедлили напомнить об этом дренеям, когда воздаятель Ромнар, пытавшийся добраться до ворот, чтобы оценить результаты своих испытаний, пал под натиском толпы. Дренеи сумели отбить Ромнара и оттащить за линию обороны, но ранен он был очень тяжело.

Увидев, как пал Ромнар, Мараад внезапно вспомнил о сражении с нежитью. С этого момента его хрустальный молот уже не просто отбивал удары, а яростно обрушивался на посягателей. Его примеру последовали и остальные дренеи, и вскоре кровь полилась рекой.

###

«Пророк! Иди туда! Скорее!» - в панике кричал Андуин в спину парящей в воздухе фигуры. Пронзительный крик мальчика ворвался в видения Велена, и Пророк медленно развернулся лицом к своему подопечному, возвращаясь к реальности.

«Что случилось?» – спросил Велен своим обычным тоном.

«Беженцы штурмуют Экзодар. Твои братья убивают их! Они убивают невинных!»

И Велен увидел. Увидел путь. Он стоял на развилке, и видел, как мальчик тянет его в одну сторону. А в конце другого пути была одна лишь тень. Удивительно, как многое могло зависеть от малого выбора – и это угнетало его. Выходит, это было толкование видения, которое предстало ему ранее? Зацепкой, которая должна была вывести Велена обратно на путь Света, должен был стать этот ребенок?

«Что до твоей войны тем, кто сейчас бьется там, у ворот?» – кричал мальчик. И добавил, вспомнив свой сон: «Каждая жизнь есть Вселенная!»

Неужели я настолько сбился с пути? изумился Велен. Меня учит смертное дитя?

Но тут из глубин его души пришел и ответ: *Урок Света – всегда великий дар, откуда бы он ни исходил.*

«Я иду», – коротко ответил Велен.

###

Противники отчаянно бились друг с другом и уже не могли остановиться. Беженцы понимали, что совершили ужасную ошибку, и сделанного уже не воротишь. Теперь им оставалось только драться. Дренеев же понимание того, что они творят, ужас убийства не просто своих союзников, но еще и заведомо более слабых, ввергли в состояние яростной ненависти к себе самим. Остановить бойню могло лишь нечто действительно из ряда вон выходящее.

Как, например, появление Велена.

Мир словно взорвался мощнейшей вспышкой, ослепившей и толпу, и защитников корабля, и осветившей величественную фигуру в центре колонны света. Кристалл Пророка полыхал рядом с ним, а его громогласный крик заставил многих благоговейно опуститься на колени.

«Довольно!»

Дренеи прекратили бой, и видно было, что появление Пророка принесло им облегчение. Некоторые в страхе побросали оружие на землю. Беженцы, увидев представшего перед ними Пророка во плоти, словно застыли.

Велен медленно спустился вниз, почти коснувшись пропитавшейся кровью земли Острова Лазурной Дымки.

«Так-то мы обращаемся с нашими братьями?» - обратился Велен к дренеям с горечью в голосе. Многие дренеи разрыдались от стыда, услышав разочарование и печаль в голосе Пророка. Мараада же его слова, однако, не тронули. «А вы, принимавшие от нас помощь, пользовавшиеся нашим гостеприимством – как вы могли напасть на друзей, от которых вы не видели ничего, кроме добра?» Никто из участников боя не нашел в себе сил взглянуть в глаза Пророка, в которых отражалась мудрость всей Вечности.

Пророк опустился еще ниже, и его копыта коснулись истерзанной и окровавленной земли.

Дренеи, как один, изумленно выдохнули, увидев, как одеяния Пророка испачкались в грязи. Велен подошел к одному из лежавших на земле, стал перед ним на колени и взял его на руки. Грудь человека была проломлена ударом могучего молота, что на секунду опечалило Велена, ибо он знал, кто нанес эту рану. В следующий миг из руки Пророка в рану хлынул поток целительного Света. Человек открыл глаза. Смерть уже не угрожала ему.

Андуин был прав. На что могла надеяться Вселенная, если бы Велен не пытался сберечь каждую жизнь, когда это было в его власти? Нужна ли была дренеям победа в их войне ценой всего, что имело значение?

Велен выпрямился во весь рост, и его перепачканные одежды красноречивее чего бы то ни было говорили о его решении. Он обратился к своим собратям, своим детям.

«Мы пойдем к смертным расам Азерота, нашим союзникам по Альянсу, и будем служить им всем, чем сможем, чтобы вместе исцелить этот мир от последствий Катаклизма».

Ответил ему лишь Мараад. Кроме него, никто бы не осмелился.

«*Экзодар* наконец-то отремонтирован, Пророк. Наверное, нам стоит дать бой Легиону. Или, быть может, вернуться в Запределье и начать восстанавливать наш дом в изгнании».

«Пусть каждый поступает так, как ему велит совесть», – ответил Пророк. «Но вот что я вам скажу: *наша война идет повсюду*. Она в каждом нашем деле, каждом вздохе. Мы должны помочь народам этого мира сплотиться. Мы должны стать для них примером в нашем общем противостоянии злу. Своим служением мы сподвигнем их на создание единого союза против тьмы. Идите же в мир, будьте с его народами, помогите им пережить ужасы Катаклизма и стать сильнее для предстоящей борьбы».

На дрениев слова Пророка произвели глубокое впечатление, и они тут же отправились помогать раненым беженцам. С ними был и Андуин, помогавший им по мере своих только еще начинающих пробуждаться сил, и Велен, исцеляя раненых, нет-нет да бросал взгляд в его сторону, впечатленный тем, как быстро принц повзрослел.

###

Экзодар был для дрениев не просто машиной – они воспринимали его как живой организм, как своего собрата, но это было выше понимания других рас. Теперь его уже не мучила боль, он был исцелен. Для дрениев это был день триумфа, и Пророк радовался ему вместе со всеми.

Беженцы собрались на большой совет в холмах рядом с долиной Аммен. После долгих обсуждений они пришли к тому, что все же их место среди своих братьев. Потрясенные ослепительным появлением Велена, многие из людей-беженцев решили стать жрецами, и практически все они вернулись под крыло Штурмграда, чтобы внести свой вклад в устранение ужасных последствий Катаклизма. Потом уже люди часто спрашивали бывших беженцев, как тем жилось у дрениев, и те неизменно отвечали, что их выбор в итоге оказался верным и что Пророк *дал* им ответ, в чем спасение от Катаклизма.

В служении.

И все же сильнее всего трагическая стычка с беженцами у *Экзодара* затронула самого Вечного Пророка и человеческого отрока, который когда-то должен был стать королем. Когда Андуин

вновь предстал перед своим наставником, Пророк твердо стоял на земле своими мощными копытами, лицом к принцу.

«Спасибо тебе, что помог мне увидеть путь. Ты как-то спрашивал, отчего я не предупредил народы Азерота о грядущем Катаклизме. Я не сумел распознать эту угрозу, потому что слишком глубоко погружался в себя... а порой, напротив, мои мысли уходили слишком далеко. Я разучился видеть жителей этого мира каждого по отдельности, не сумел прислушаться к их нуждам – видать, поэтому маяк Света и померк для меня. Ведь если я потерял связь с живыми созданиями настоящего, как я могу увидеть то, каким может стать их будущее?»

«Но за твое будущее я спокоен, принц Андуин. Придет день, когда ты станешь могучим жрецом. И мудрым королем».

Как бы Андуину хотелось, чтобы его отец мог сейчас услышать эти слова...

КОНЕЦ